

ИВАНОВ, Вячеслав Иванович [16(28).II.1866, Москва -- 16.VII.1949, Рим] --поэт, драматург, переводчик, философ и теоретик русского символизма. После окончания гимназии, где особенно увлекается древнегреческим языком, занимается на историко-филологическом факультете Московского университета, в 1886 г. уезжает в Германию, чтобы работать в семинаре у знаменитого историка Теодора Моммзена. За границей И. проводит более десяти лет: он много путешествует, собирая материалы об эллинском культе бога Диониса, завершает образование защитой диссертации в Берлине по истории, пишет стихи, не думая об их публикации.

Наиболее значительное событие "зарубежного" периода в духовном и творческом развитии И.-- знакомство с философией Фридриха Ницше. Особенно сильное и заметное влияние на него оказала идея Ницше о "духе музыки", составившим будто бы основу эллинской культуры и придавшим ей цельность. "Дух музыки", которому Ницше дает имя Диониса,-- это сугубо иррациональное начало, это иступление, разрушающее границы между личностью и миром, это восторженное упоение жизнью, не ограничиваемое моральными нормами, переживаемое "по ту сторону добра и зла". Однако при всем увлечении Ницше, что сказалось больше и прежде всего в его работе "Эллинская религия страдающего бога" (1904), И. не принимает ницшеанского принципа индивидуализма. Для него "сверхчеловеческое", в котором находит исход экстатическое "дионисийское" состояние,-- это не индивидуализм, а сверхличное, всенародное, это "вселенское", "соборность", что в конечных определениях И. означает религиозную общность людей.

До 1903 г. И., по его собственному признанию, "не был литератором". Но первый же изданный им в 1903 г. сборник стихов "Кормчие звезды" приносит ему широкую Известность, упрочившуюся вышедшим вскоре стихотворным сборником "Прозрачность" (1904) и трагедией "Тантал" (1905).

В "Кормчих звездах" обозначились характерные и для последующего творчества И. темы, мотивы, образы, верховное, жизнестроительное значение духовных истин, противопоставление идеализации Руси, воплощающей утопическую "соборность", индивидуалистической буржуазности, надежда на возрождение религиозной общности. Стилизовое же своеобразие этой "книги лирики" определяется стремлением автора к поэтическому возрождению старинного русского слова, что и ориентирует его на до-пушкинскую, державинскую традицию стиха, приводит к насыщению его стихов славянизмами. И. переносит изобразительно-выразительный акцент на отдельное слово, этот основной для него "носитель" поэтического смысла. Содержательную роль и функцию слова поэт "подчеркивает" и синтаксическим членением строки и ее ритмической организацией (преобладание двухсложных размеров, большое количество сверхсистемных ударений).

Как поэт И. не оказал сколько-нибудь заметного воздействия на развитие русской поэзии. Но в разработке и обосновании литературно-эстетической теории русского символизма ему принадлежит решающая роль. Вместе с тем именно статьи И. выявили и неисполнимость средствами искусства "тех заданий", которые поставил перед ним символизм.

И. требовал, "чтобы символизм был в полной мере искусством" ("О границах искусства"). Он призывал символистов к образному отражению действительности: "Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное... Истинный символизм не отрывается от земли... Он не подменяет вещей и, говоря о море, разумеет земное море..." ("Мысли о символизме"). Он критикует и художников-"идеалистов", создающих "представление о вещи, заведомо отличное от нее" ("Две стихии в современном символизме"), и авторов аллегорических, условных образов. Им И. противопоставляет художников, которые дают "только правильный список, точную копию, верную оригиналу..." (Там же). И хотя И. называл символизм "символическим реализмом", его эстетика родственнее натурализму, чем реализму.

При всех декларациях о "верности" вещам, И. отводит им то сугубо прикладное назначение, какое они имели в идеалистической и мистической философии. Эта философия провозглашает параллелизм двух миров -- "земного и небесного". И за миром реальных, данных чувственному опыту явлений, за миром "феноменов", предлагалось провидеть мир "ноуменов", т. е. мир духовных сущностей, не доступных ни чувственному, ни рассудочному познанию и постигаемого лишь путем откровения. И "...дело художественного гения,-- декларирует И.,-- являть ноуменальное в облачении феномена" ("Лев Толстой и культура"). Средство же, которое, с точки зрения И., способно выявить мистический смысл образов земных явлений,-- это "сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального... означенное соответствий и соотношений между явлением... и его умопостигаемой или мистически прозреваемой сущностью" ("Заветы символизма").

И. отчетливо сознает, что подобное символистское "задание" поставило бы искусство в ситуацию, которую сам определяет как "противоречия между ликом Альдонсы и ликом Дульсинеи" ("Лев Толстой и культура"). Действительно, образы явлений "земной" действительности, тем более "точные списки" этих явлений, всем смыслом своих предметных и других деталей, всем своим